

Коричневая линия тянулась через зеленое море.

Это была простая дорога из набитой земли, идущая по прямой с востока на запад. Она была окружена травой по колени, которая колыхалась от ветра. Ни вблизи, ни вдали не было видно ни одного дерева.

По центру дороги на запад промчался мотоцикл. Это была изящная штучка с таким же изящным и миниатюрным наездником, одетым в черную кожу. За спиной у мотоциклиста стоял сверкающий хромом багажник. К багажнику была пристегнута смятая сумка, которая поднимала пыль при каждом ударе мотоцикла о кочку.

Под черной кожаной курткой водительница была молодой, подтянутой и девичьей. С ее молодостью не вязалась кобура для пистолета на толстом ремне. В ней лежал полуавтоматический пистолет, рукоятка которого была направлена вверх и находилась под рукой. На правом бедре висела вторая кобура, в которой хранился револьвер. Защелка для большого пальца в кобуре давно рассохлась; чтобы пистолет не выпал, она была завязана веревкой, привязанной с двух концов.

На ней было что-то вроде пилотской шапочки с околышем спереди и шерстяными отворотами, закрывающими уши. Очки, натянутые на ушанку, удерживали шапку на месте. В зеркале заднего вида она была похожа на бойкого щенка, но глаза за очками были усталыми и немного расфокусированными.

— О чем ты думаешь, Кино?

Голос мотоцикла пробился сквозь гипнотический гул его двигателя.

— У тебя есть еда. Ты должна поесть.

Глаза Кино прояснились. Она посмотрела на мотоцикл, потом вверх по дороге, туда, где над деревьями возвышались внешние стены города.

Десять минут, подумала она.

— Мы почти добрались до города. Я не хочу расходовать наш запас еды, если не придется.

Она сморщила нос.

— Еду для выживания следует есть только в крайнем случае... например, когда ты близок к смерти.

В этот момент переднее колесо наехало на неровность дороги. Кино потеряла равновесие, и мотоцикл опасно накренился.

— Ух ты!

— Прости, Гермес.

Кино поспешно вернулась на дорогу и сбросила скорость.

— Честно говоря, — пробормотал Гермес. — Мы даже не знаем, есть ли в этом городе еда. Что ты собираешься делать, если он окажется заброшенным?

— Если это так...

— Если так?

Кино пожала плечами.

— Значит, так и есть.

Кино остановила Гермеса, когда они достигли внешних стен города. Между ними и стеной находилась водопропускная труба с разводным мостом, похожая на средневековый ров. Довольно маленький ров. Она заметила небольшое здание по одну сторону от моста - возможно, сторожевую хижину - и сошла с него, хотя и неуверенно.

Она отпустила руль и направилась к зданию... не опуская подножки. Он опрокинулся, издав удивленный писк. Кино развернулась и схватилась за руль, но он лишь вывернулся в ее руках, и мотоцикл перевернулся на левый бок.

Он взвыл, как обиженный ребенок.

— Посмотри, что ты наделала! Ты позволила мне упасть! Я не могу встать, Кино! Подними меня! О, это поцарапает мне всю краску.

Кино подпрыгнула, чтобы поднять мотоцикл, но его вес оказался слишком велик, и ноги подкосились. Она тяжело опустилась на землю.

— Что? — спросил Гермес.

— Я слишком голодна, — пробормотала Кино. — Нет сил... голова кружится...

— Я же сказал тебе пообедать! Сколько раз мне нужно повторить, чтобы ты послушала? Вождение мотоцикла - это спорт! Может быть, это не так напряженно, как езда на велосипеде, но простое управление вибрацией дороги требует энергии. Ты устаешь, твой мозг немеет от гула моего двигателя, а потом он просто перестает работать, и то, что ты обычно можешь делать, становится крайне сложным, что приводит к простым ошибкам - например, забыть поесть, - которые могут стать причиной аварии. — Он сделал паузу. — Ты слушаешь, Кино?

В здании никого не было.

В фойе стояло устройство, похожее на гигантский торговый автомат. Оно включилось, как только Кино вошла, задало ей несколько простых вопросов отрывистым, но не неприятным голосом и разрешило им войти. Разводной мост опустился.

— Это было быстро, — сказал Гермес, удовлетворенно откинувшись на подставку.

— Странно, — сказал Кино, усаживаясь и заводя двигатель.

— Почему?

— Там никого не было. Только машина.

— Ты покушала?

— Я поела, — удовлетворенно ответила Кино, выходя обратно на тротуар. Дойдя до Гермеса, она заглянула в ресторан.

— Там кто-нибудь был?

— Никого, — ответила она, садясь на велосипед. — Это было странно. Вроде тех старых автоматов, что были раньше. Обслуживай себя сам... вроде того.

Она огляделась.

На улице стояли одноэтажные дома. На западе был перекресток со светофором. За ним тянулась прямая дорога, окруженная широкими тротуарами, деревьями и фонарями. Вдали она исчезала в лесу. За лесом, как предположила Кино, находилась западная стена и, возможно, еще одни ворота.

Они все еще находились почти в тени восточной стены, настолько близко, что не могли разглядеть ее концы в любом направлении. Даже с этой точки обзора было видно, что город очень большой и очень тесный. И очень тихий город.

Слишком тихий. Кино почувствовала тревожный зуд между лопатками, словно кто-то невидимый наблюдал за ней.

— Ты говорила что-то про самообслуживание. Что это значит?"

— Что? О... машины делали все. Еда была потрясающей.

— Странно.

Они не успели далеко уйти по длинной прямой дороге, как на обочине остановилась машина и поехала в их сторону. Кино остановил мотоцикл и стал ждать. Машина остановилась не более чем в десяти футах от них. Через мгновение дверь открылась, и из нее вышел человекоподобный робот. Металлический, без малейшего намека на человечность, он заговорил - тем же голосом, что и машина у ворот, - приветствуя их в городе и выдавая им карту. Затем он вернулся к своей машине и умчался прочь.

Большую часть дня Кино и Гермес исследовали город, проезжая то в ту, то в другую сторону, то по этой улице, то по тому проспекту. К вечеру она снова проголодалась и отправилась на поиски другого ресторана. Он нашелся без труда, но внутри, несмотря на простор и безупречную чистоту, было так же безлюдно, как и в первом.

Заказ Кино принимала машина, похожая на инвалидное кресло с компьютером в нем - у нее были механические руки. Принесли блюдо, похожее на спагетти (но не совсем), стейк из неопознаваемого мяса и фрукты такого цвета, какого она никогда не видела. Каждое блюдо подавал отдельный автомат, а после окончания трапезы еще один автомат забирал деньги.

Это было невероятно дешево.

Автомат, принявший ее заказ, проводил Кино из ресторана, пожелав приятного отдыха, но не сказал ей названия города.

Кино пошла по указателям к заправочной станции, чтобы заправить Гермеса. По дороге они не увидели ни людей, ни чего-либо, что дало бы название городу. Правда, они заметили еще одну машину и погнались за ней, но это был всего лишь беспилотный уличный пылесос.

Когда они добрались до заброшенной заправки, Кино заправил бак Гермеса. Цена за галлон была почти нулевой.

После этого они стали искать гостиницу. Когда они нашли ее, она тоже оказалась пустой.

Вот так сюрприз! подумала Кино.

Отель был роскошен - безупречен снаружи и внутри. В холле стояли мраморные статуи. Автомат, установленный у стойки регистрации, быстро справлялся с необходимыми делами. Как и ресторан, отель отличался скромными ценами.

Кино провезла Гермеса по коридору в их номер. Сопровождавшая их машина и глазом не моргнула от того, что ее гость захотела оставить мотоцикл в номере, а не на явно пустой стоянке.

Это была самая великолепная комната, в которой Кино когда-либо бывала.

— Вы уверены, что это тот самый номер? — спросила она у администратора. — Вы не перепутали мой статус? Вы же знаете, что я не королевская семья? Я даже не богата. Если вы потом попытаетесь взять с меня дополнительную плату, я не буду платить.

Администратор заверил ее, что все в полном порядке, и ушел, отметив, что обслуживание номеров доступно в любое время дня и ночи.

— Туристы! — пробормотал Гермес. Если бы у него были глаза, он бы их закатил.

Кино приняла душ в неоправданно большой ванной, надела новое белье и рубашку и уже собиралась постирать белье в раковине, когда заметила табличку, сообщавшую, что отель предоставляет эту услугу бесплатно. Она позвонила на ресепшн, и к ней приехала машина, приняла одежду и пообещала, что к утру она будет чистой.

Кино и Гермес расстелили на ковре карту. Гостиница находилась совсем недалеко от восточного входа в город, в районе, который на карте назывался "Торговый район Восточных ворот". Город был круглым и таким большим, что в тот день им удалось пройти лишь часть его ширины. Нигде на карте он не был назван.

В центре города находился Центральный правительственный район, тоже круглый. На юге находилось большое озеро. На севере находился промышленный район, обозначенный соответствующим образом - Промышленный район. Все остальное - почти половина площади города - было обозначено как Жилой район.

— Здесь должны жить люди, — сказал Гермес. — Кто-то должен делать все эти покупки, управлять и исследовать. Не говоря уже о проживании.

— И кто-то должен был создавать все эти машины и обслуживать их.

— Тогда почему мы никого не видели?

Кино пожала плечами.

— Не знаю. Может, они не могут выходить наружу по... по религиозным причинам, или это праздник, а может, они все выходят ночью, а днем спят.

— Звучит не очень хорошо, — сказал Гермес с механической дрожью. — Я читал о людях, которые выходят только ночью. Никто из них не был веселым.

Кино спрятал улыбку.

— Может, все проще. Может, в этом районе города никто не живет.

— То есть, они все в жилом районе?

— Скорее всего.

— Тогда пойдем туда!

Кино покачала головой.

— Нет, не сегодня. Мы вернемся только после наступления темноты. Может, мы и находимся в окруженном стеной городе, но я не хочу ехать в темноте.

— А! Значит, ты считаешь, что кто-то или что-то может выходить по ночам?

— Нет!

— Я видел, как ты ухмылялась, когда я предложил это. Ты подумала, что я был... иррационален. Но теперь ты не хочешь выходить на улицу после наступления темноты.

— Потому что я хочу спать, Гермес. Спокойной ночи.

Она встала с кровати и потянулась.

— Уже? Обычно ты не ложишься спать так рано.

Его тон был подозрительным.

Кино подошла к стулу, на котором лежали ее куртка и оружейный пояс. Она вынула пистолеты из кобуры и, взяв куртку в руки, неторопливо направилась к кровати.

— Гермес, когда я вижу такую красивую кровать, такую мягкую, такую уютную, мне сразу хочется лечь и уснуть.

С этими словами Кино перекинула куртку через изножье кровати, засунула пистолеты под подушку и опрокинулась на пушистое одеяло.

— Блаженство, — пробормотала она и через минуту уже крепко спала.

— Туристы, — проворчал Гермес.

Кино проснулась на рассвете. В прихожей в аккуратной стопке лежало выстиранное белье. Вся одежда выглядела как новая.

День она начала с чистки пистолетов. Полуавтомат, который пристегнут сзади, она назвала "Лесник", потому что однажды с его помощью завалила дорожного преступника, прострелив ветку дерева прямо над его незащищенной головой.

В "Леснике" использовались пули калибра .22 LR, а обойма имела тонкий профиль. Пули не обладали большой разрушительной силой, но длинный ствол и его дополнительный вес обеспечивали низкую отдачу.

Подобные детали были особенно важны для человека такого роста, как Кино.

Кино вынула пули из магазина "Лесника", вставила их в новый магазин и перезарядила пистолет.

Пистолет, который Кино носила пристегнутым к бедру, был револьвером, который она назвала "Пушка" за то, что каждый выстрел мог нанести урон. Кроме того, он был в некотором роде антиквариатом: его курок одинарного действия приходилось взводить вручную между выстрелами.

Пушка не имела магазина. Вместо этого жидкая взрывчатка и пули заряжались непосредственно в цилиндр, поэтому для перезарядки требовалось залить жидкую взрывчатку и пулю в каждую камеру и установить ударный колпачок на заднюю стенку цилиндра. Когда молоток ударял по колпачку, он воспламенял жидкую взрывчатку в камере и отправлял пулю в полет.

Поменяв заряженный цилиндр Пушки на пустой, Кино потренировалась в быстром выхватывании. После этого она приняла второй длинный и роскошный душ.

В пустом ресторане рядом с вестибюлем ее ждал завтрак в виде шведского стола, накрытый для единственного постояльца отеля. За фуршетным столом стояла машина, которая была одновременно сковородой и роботом. Она предлагала приготовить любой омлет по желанию гостя.

Кино проверила, входит ли еда в стоимость номера. Убедившись в этом, она постаралась наесться так, чтобы хватило на весь день. Насытившись, она вернулась в свою комнату и снова завалилась в постель.

Когда солнце поднялось над горизонтом, Кино разбудила Гермеса, погрузила на него свой скудный багаж и выехала из гостиницы. Следуя карте, они направились в жилой квартал, который на самом деле был лесом - старым, заросшим лесом, через который протекало множество маленьких ручейков. Лес был наполнен пением птиц, а воздух был влажным и освежающим. Широкая мощеная улица вскоре сошла на нет, и Гермес с Кино оказались на узкой гравийной дорожке.

Время от времени они проходили мимо домов, каждый из которых был выполнен в одном и том же стиле: просторный одноэтажный дом, спрятанный в деревьях на удобном расстоянии от ближайшего соседа. Кино подумывал подойти к одному из них, но не хотел сходить с дороги.

Они никого не встретили.

Кино остановила Гермеса возле дома, стоявшего недалеко от дороги. Он выглядел пустынным

и в то же время каким-то непонятным для Кино образом. От пустынных домов всегда веяло каким-то холодом, заставлявшим ее чувствовать себя одинокой и немного грустной, но этот дом был другим. Он был теплым, обжитым, как дом в любом другом городе или поселке.

Некоторое время они наблюдали за ним, но не заметили никаких признаков жизни. В конце концов, Кино решила, что если дома кто-то есть, то смотреть на него невежливо, а если нет - бессмысленно, и они поехали дальше.

Наконец они добрались до западной стены и, проехав по ней некоторое расстояние, направились обратно к центру города. Лес сменился зданиями, дорога расширилась и снова стала тротуарной, но они так и не увидели ни одного человека, а единственная встреченная машина оказалась еще одним беспилотным уличным пылесосом.

Достигнув так называемого Центрального правительственного района, Кино и Гермес, следуя прихоти, вошли в одно из высоких зданий и поднялись на лифте на смотровую площадку на самом верху. Лифт был стеклянным, и из него открывался потрясающий вид на город. Но в здании не было никого, кто мог бы им насладиться.

Со смотровой площадки вид открывался еще более захватывающий: нетронутые, элегантные здания, зелень лугов и лесов, а вдали - почти облачная белизна городских стен.

Кино повернулась к соседнему зданию. Сквозь безупречные окна она видела машины, убирающие пустые офисы. Она достала снайперский прицел из сумки, висевшей на боку Гермеса. Переключив увеличение, она осмотрела дома в лесу.

— Это шпионаж, — пробормотал Гермес.

Кино проигнорировала его, не сводя глаз с прицела. Она нахмурилась. Или глаза ее обманывают, или...

— Там кто-то есть!

— Правда?

— Да. Он стоит перед домом. Обычный мужчина. Он занимается спортом. О! А там женщина - средних лет, кажется. В другом доме. Делает... что-то в саду. А, она зашла внутрь. В другом доме в одной из комнат горит свет.

— Можешь посмотреть, есть ли там кто-нибудь?

Кино опустил прицел.

— О, но ведь это будет шпионаж, не так ли?

— Ха-ха. Очень смешно.

Кино вернула прицел в сумку.

— А ведь говорила тебе, что здесь есть люди.

— Да, казалось, что они должны быть. Иначе какой смысл во всем этом? Но почему мы их не видели? — спросил Гермес.

Кино присела на скамью, стоящую по периметру ограждения.

— Не знаю. Сначала я думала, что они просто не привыкли видеть чужаков... или, может быть, даже боятся их. Но...

— Но?

— Если бы это было правдой, то можно было бы подумать, что мы видим, как они что-то делают вместе. Я имею в виду, даже если машины дают всем бесконечный отпуск, можно подумать, что они ходят куда-нибудь поесть. Ходят на концерты, в кино... — Она пожала плечами. — У меня такое впечатление, что эти люди не выходят из дома. Они полностью изолированы друг от друга.

Кино снова посмотрела на аккуратные, упорядоченные улицы. Это был самый развитый город из всех, что они видели, и один из самых красивых.

— Почему? — прошептала она.

Спустившись обратно на уровень улицы, Кино и Гермес направились в промышленный район. Гид, который вел их на механическую сборочную линию, сам был машиной. Кино подумала, не является ли он продуктом этого самого завода, сошедшим с конвейера в конце длинного низкого здания. Она не стала спрашивать, посчитав, что это будет невежливо. Зато она спросила, почему в этом городе никогда не было людей. Робот не обиделся и не рассердился, он просто не ответил на вопрос.

Около сумерек Кино и Гермес вернулись в гостиницу, в которой остановились накануне вечером. Они могли бы поискать другую гостиницу, но Кино настояла на том, чтобы они вернулись до самых восточных ворот. Когда ее спросили о причине, она пробормотала что-то о вкусном завтраке, но на самом деле ей захотелось чего-то знакомого.

На следующее утро. Кино снова съела слишком много завтрака - по крайней мере, так считал Гермес. Заправив бак и пополнив запасы провизии, они двинулись на запад, через центр города, направляясь к западным воротам.

Звук двигателя Гермеса эхом разносился по утреннему лесу, когда они проезжали через жилой район. Кино не хотела шуметь, но Гермес старался быть потише. Они ехали медленно, стараясь не шуметь.

Каждый раз, когда они видели дом, Кино пристально вглядывался в него, ища жителей, но никого не было видно. Лесная дорога взошла на пологий холм. На вершине Кино заглушил двигатель Гермеса и покатил его вниз по склону. Когда они добрались до подножия холма, то проехали еще немного по дороге, прежде чем Гермес остановился.

Кино уже собиралась снова завести мотор, но тут раздался лязг, заставивший ее оглянуться.

На небольшом расстоянии от дороги находился аккуратно подстриженный участок травы. В центре ее сидел человек и возился с маленькой машиной. Видимо, он был настолько поглощен ремонтом, что не заметил приближающихся Кино и Гермеса.

Гермес тихонько воскликнул:

— О, человек! И так близко! — как будто он только что заметил представителя вымирающего вида.

Поставив Гермеса, Кино тихо подошла к нему. Она некоторое время наблюдала за тем, как мужчина копается в своей машине, а затем сказала:

— Доброе утро!

— А-а-а-а!

Мужчина вскочил на ноги и, повернувшись, уставился на Кино и Гермеса.

Ему было около тридцати, и он носил черные очки в роговой оправе. На его лице было выражение паники, как будто он увидел привидение.

— В-ва-ва-ва! В-в-в-в... в-в-в... — произнес он, так и не сумев выговорить следующую букву.

— Вы в порядке? — Кино говорила тихо. — Я не хотела вас напугать...

— К-к-к-к-то...

Гермес прошептал:

— Кино, он говорит на другом языке? Может, он правильно представился? Может, его зовут Ва.

— Я уверена что это не так.

— Вы... вы... — успел сказать мужчина.

— О! — сказал Гермес. — Он можешь говорить.

Парень схватился за голову обеими руками.

— Вы не знаете, о чем я думаю?

— А?

Гермес был искренне озадачен.

Кино наклонила голову.

— Я не понимаю...

Мужчина оправился от приступа паники и выглядел скорее спокойным, чем испуганным, и, если Гермес правильно понял его выражение, изумленным. "Вы не знаете, о чем я думаю?"

Это был вопрос или утверждение? подумала Кино.

Она облизнула губы.

— Вовсе нет. Я понимаю, что вы говорите, но...

Он выглядел так, словно мог умереть от счастья. Затем он осыпал их словами. — Конечно! Я тоже не могу "слышать" ваши мысли! О! Чудесно! Чудесно! Вы... вы ведь не отсюда? Конечно! Это все объясняет! — затараторил он, не дожидаясь ответа. Выражение его лица снова

изменилось - оно стало жадным до отчаяния. — Может, вы выпьете со мной чаю?

— Мы можем остаться еще ненадолго, — осторожно ответил Кино. — Может быть, вы расскажете нам, почему люди здесь никогда не покидают своих домов?

Мужчина с готовностью кивнул.

— Конечно! Я расскажу вам все!

Сначала он рассказал, что его зовут Киёси и что его дом находится недалеко от лесной дороги. Это был прекрасный дом, красиво оформленный и ухоженный, с обилием благоухающих цветов вокруг входной двери - звездчатого жасмина, лаванды и гардении.

Киёси провел Кино и Гермеса в большую, ярко освещенную комнату, обставленную деревянными стульями и столами. Они выглядели так, словно были сделаны вручную. Через большое изогнутое окно был виден тщательно ухоженный сад.

В доме, как и в городе, было слишком тихо; видимо, Киёси жил один.

Кино, держа в руках куртку, присела на один из стульев. Гермес стоял в стороне на своей подставке. Киёси несколько минут шуршал на кухне, потом вернулся с двумя кружками чая. Он поставил одну на стол перед Кино, а затем сел на низкий диван.

Кино принялась к пару, поднимающемуся из кружки, явно сделанной вручную.

— Чай сделан из трав, растущих в моем саду. Не знаю, понравится ли он вам, но он очень популярен в наших краях.

— Пахнет интересно. Цветочный. Как он называется?

— Чай "Докудами".

Гермес вздохнул.

— Докудами? Но это же... В нем есть яд? Не пей его, Кино!

Кино заглянула в свою кружку и спросила:

— Ядовитый... чай? Это какая-то... шутка?

Наверное, у жителей этого города были веские причины держаться на расстоянии, если они имели привычку угощать друг друга отравленным чаем.

Киёси хихикнул.

— Вы и вправду не местные, да? Не стоило смеяться. Я не хотел над вами смеяться. Докудами - это не значит, что это яд, это значит, что это противоядие от яда или токсинов в организме - оздоровительный напиток. Теперь, когда я думаю об этом, я полагаю, что любой человек отреагировал бы так же, как и вы, если бы ему предложили чай "с ядом".

Его улыбка растаяла, и он начал плакать, а потом и рыдать.

Кино и Гермес просто сидели и смотрели на него.

Слезы текли по его лицу, и, изредка всхлипывая, Киёси снова заговорил.

— Прошли годы... с тех пор как я мог говорить вот так... с другими людьми. Десять лет. Нет, может быть, больше. Если бы я не разговаривал все время сам с собой, я бы, наверное, забыл, как это делается.

Когда он не стал уточнять, Кино спросила:

— Почему?

Киёси снял очки, вытер слезы и многократно кивнул.

— Да, да, конечно, конечно.

Он высморкался и снова надел очки, затем сделал долгий медленный вдох и начал:

— Ну, проще говоря, в этой стране мы чувствуем боль друг друга. Поэтому мы не встречаемся лицом к лицу. То есть мы не можем встретиться лицом к лицу.

Кино покачала головой.

— Вы чувствуете... боль друг друга? Что это значит?

Хозяин сделал глоток чая.

— Разве родители никогда не говорили вам, что нужно стараться понять, что чувствует другой человек, чтобы не ранить его чувства? Наверное, они говорили вам это - думаю, все родители так делают. А вы никогда не задумывались, как было бы здорово знать, о чем думают другие люди? Какой это был бы полезный, замечательный навык? И как было бы здорово, если бы они знали, когда их слова или поступки причиняют боль?

— Да! Да! — вскричал Гермес, не дождавшись ответа от Кино. — Как раз по дороге сюда Кино...

Кино бросила на Гермеса предостерегающий взгляд.

Киёси продолжал:

— Жители этого города верили в это. Я должен объяснить, что большую часть работы здесь уже давно выполняли машины, поэтому мы жили очень легко. Еды было много, основные потребности каждого были удовлетворены, это была страна мира и процветания. В результате у людей появилось свободное время, и они начали применять свой ум к самым разным вещам. Открывали новые лекарства, занимались наукой, создавали произведения литературы, искусства и музыки. Я научился собирать мебель. — Он жестом указал на стол и стулья, которыми восхищалась Кино. — И в разгар этого... ренессанса... группа врачей, изучавших человеческий мозг, сделала революционное открытие. По их словам, если бы мы развивали неиспользуемые части нашего мозга, то смогли бы напрямую принимать мысли и чувства друг друга.

Гермес спросил:

— И как это работает?

— Ну, — продолжал Киёси, — допустим, я произношу в голове слово "привет". Все, кто меня окружает, воспринимают не столько слово, сколько то, что я их поприветствовал. Они чувствуют эмоции, скрытые за этим приветствием. На самом деле все гораздо тоньше: если я буду о чем-то грустить - без слов, просто грустить, - то эта грусть будет передаваться окружающим меня людям. Теоретически эти люди почувствуют мою грусть, будут добры ко мне, и мы сможем найти способ быть счастливыми вместе. Это похоже на то, как мать может понять, о чем именно плачет ее ребенок, даже если он не может говорить. По-моему, это называется эмпатией или, может быть, телепатией.

— Понятно, — сказала Кино.

Гермес промолчал.

— Все восхваляли это удивительное открытие. Мы сможем заглядывать в сердца друг друга. Мы сможем по-настоящему понимать друг друга. Мы так долго общались с помощью этих маленьких кусочков шума, называемых словами, которые не дают никакой гарантии понимания. Теперь мы можем полностью отказаться от них! Так мы считали. Ученые искали простой способ наделить этой способностью каждого из нас и создали лекарство, которое могло это сделать. Мы все его приняли.

— Все? — спросил Гермес.

— Все. Мы все хотели быть на одном уровне. Развиваться вместе. Никто не хотел оставаться позади. И в каком-то смысле мы эволюционировали.

— Что случилось? — спросила Кино, бессознательно опустившись на край своего кресла. — Вы сказали "в теории". Очевидно, все вышло не совсем так, как вы ожидали.

Лицо Киёси опустилось, но он продолжил ровным тоном:

— С этого момента я могу описать только свой личный опыт. Я принял лекарство. Когда я проснулся на следующий день, в моей голове крутился вопрос "Ты меня слышишь?". В комнате никого не было. Я был немного удивлен, что получил сообщение от человека, которого даже не было со мной в комнате. Конечно, сами слова не посылались в мою голову; мой мозг просто интерпретировал полученное ощущение как то, что кто-то сказал: "Ты меня слышишь?". Естественно, я ответил: "Я тебя слышу!" - и получил в ответ: "Я тоже тебя слышу! Это потрясающе! Вскоре после этого раздалось "Я у твоей двери", и я выскочил на улицу, где стояла моя возлюбленная. Она тоже обладала телепатическими способностями. Мы были вне себя от счастья и провели долгие минуты, разделяя невероятное чувство... единства. Сейчас мне смешно об этом вспоминать.

Он не выглядел так, будто смеялся. Он замолчал и на мгновение задумался.

— Мы были самыми счастливыми людьми на свете... какое-то время. Мы стали жить вместе, и дни проходили в полной гармонии. Но потом я увидел, как она поливает мои травы. Простой поступок. Акт заботы. Но она давала им слишком много воды. И я подумал: "Эй! Я только что просил ее не делать этого. Сколько раз?" В то же время я попытался мягко поправить ее вслух. Но прежде чем мягкие слова успели покинуть мой рот, она уловила нежные эмоции. В следующее мгновение она уставилась на меня. И в голове у меня возникло ощущение ее внезапной обиды и гнева, а также уверенности в том, что я считаю ее глупой.

Кино неловко опустила в чашку с чаем.

— О, — пробормотал Гермес.

— Именно так. Она почувствовала эмоцию, стоящую за мыслью, прежде чем я успел ее прояснить, интерпретировать. Я мгновенно получил ее ответ и подумал: "Что? Что происходит? Почему она так злится из-за пустяка?" А она ответила: "Ничего? Пустяк? Может, для тебя это и пустяк, но для меня это уже очень много!" Или что-то в этом роде.

Слабая, самодовольная улыбка мелькнула на лице их нового друга.

— После этого все превратилось в войну мыслей. У нее был комплекс неполноценности, она считала себя не такой умной и образованной, как я. Мы были вместе несколько лет, и я никогда не знал об этом. Но она думала, что я это знаю, и ничто из того, что я мог сказать, не могло изменить ее мнение. Что касается моих чувств, то я пытался скрыть их от нее. Контролировать их.

Он сделал паузу, чтобы провести кончиком пальца по ободку своей чашки.

— Когда она уходила от меня, ее последней мыслью было: "Как я вообще могла жить с таким бесчувственным, забытым человеком, как ты?" Я был ошеломлен, стоял и смотрел, как она уходит... Ирония судьбы, правда. Именно потому, что мы могли видеть прямо в сердце друг друга, мы не могли больше быть вместе.

— Это... трагично, — сказала Кино и сама почувствовала себя немного глупо из-за неадекватности слов.

— Не так трагично, как то, что происходило в другом месте. В другом конце города кто-то погиб в результате несчастного случая; чувства умирающего передались людям, которые бросились ему на помощь. Это свело их всех с ума. Два политика, работавшие вместе много лет, каждый из которых понял, что другой собирается предать его. Каждый попытался убить другого. Оба потерпели неудачу, но вред был нанесен. Это тоже закончилось безумием. Драки вспыхивали спонтанно и без предупреждения. Людей арестовывали за попытку изнасилования или публичное непристойное поведение, когда они просто проходили мимо женщины с незащищенными мыслями.

— Это... это... — начала было Кино, но не смогла подобрать слов.

— Подобные вещи происходили повсюду. В течение недели город охватила паника.

— А потом? — спросил Кино.

— Потом мы поняли, что знание мыслей друг друга - это не благословение, а проклятие. Не эволюция, а хаос. — Он прочистил горло. — Ну, возможно, я слишком резок. Может, осознание этого факта и было своего рода эволюцией. Осознание лжи: "Если бы мы только знали о боли друг друга, мы бы перестали причинять друг другу боль".

— Вы не могли контролировать свои мысли?

— Я пытался, но все, что я получал, это лекцию о том, какое я холодное, бесчувственное существо. — Он покачал головой. — Нет. Чувствовать чужую боль или гнев - даже радость - сбивает с толку... и изматывает. Если ты не можешь исцелить их боль, начинаешь обижаться на нее или она угнетает тебя, то... ну, твои чувства отражаются в сознании другого человека и

заставляют его чувствовать себя еще хуже. Это превращается в порочный круг.

— Вы с девушкой расстались, — сказала Кино.

Киёси кивнул.

— Нам пришлось. Мы обнаружили, что если между нами было несколько десятков метров, мы больше не могли слышать мысли друг друга, так же как вы не могли слышать мой голос, если я выходил на улицу.

— Это объясняет изоляцию, — пробормотал Гермес.

— Действительно. Каждый человек в стенах этого города искренне, без преувеличения, отчаянно боится других людей. Из-за этого машины стали еще более совершенными, чтобы мы могли выживать друг без друга. Каждый в своем маленьком пространстве, занимается тем, что делает нас... — он заколебался, потом сказал "счастливыми", как будто это слово было горьким на вкус.

Кино пришлось отвести взгляд.

Киёси взглянул на нее, затем неловко пошевелился в кресле.

— Почти десять лет здесь не рождались дети. Но сейчас подрастает поколение, не получившее лекарств. Когда-нибудь они присоединятся к машинам в управлении городом и, возможно, смогут работать вместе, чтобы исправить то, что мы натворили. Но боюсь, это произойдет только через много лет после моей смерти, так что бесполезно беспокоиться об этом... или надеяться на это. Я могу только молиться, чтобы они извлекли уроки из нашей ошибки.

Киёси встал и нажал кнопку на стоящем за его спиной аппарате. Комнату наполнила музыка; электрическая скрипка заиграла нежную мелодию.

Кино немного послушала, а потом сказала:

— Красивая песня.

Услышав это, Киёси в ответ криво улыбнулся.

— Я люблю эту песню. Она была очень популярна десять лет назад. Каждый раз, когда я слушаю ее, я чувствую... больше, чем мне хотелось бы. В то время мне было интересно, испытывают ли другие люди такие же сильные чувства, как я. Я слушал ее со своей возлюбленной... Она сказала, что это хорошая песня, но действительно ли она так думает? После лекарства я боялся включить ее и узнать, что она на самом деле чувствовала. Что вы почувствовали, когда слышали ее, Кино?

Она открыла рот, чтобы ответить, но он покачал головой.

— Я не хочу знать.

Он закрыл глаза и не открывал их до тех пор, пока песня не закончилась.

— Ну что ж, Кино, — сказал Киёси, стоя на безупречной дорожке перед своим гаражом. — Может, я и не обязан говорить это такому знатоку оружия, как вы, но будьте осторожны на дороге.

Киёси надел шляпу и защитные очки, а двигатель "Гермеса" шумно работал на холостом ходу.

— Спасибо. Я буду осторожна.

— И ты тоже, Гермес.

— Спасибо! — сказал мотоцикл.

— Я рад, что мы смогли поговорить. — Он улыбнулся и почесал голову. — Простые слова - они значат гораздо больше здесь, чем... там.

Он указал головой на западную стену.

— Жаль только, что я не смог встретить вас в твой первый день здесь. Ну что ж.

Его плечи опустились, как и улыбка.

— Спасибо за чай. Он был очень вкусным, — неловко ответила Кино. Она села на Гермеса, наклонилась вперед и оттолкнула подставку.

Гермес уже готов был отъехать, когда их новый друг поднял голову.

— Подождите! Пожалуйста! Я должен сказать еще кое-что!

Кино остановила двигатель Гермеса. Наступила поразительная тишина.

Киёси сделал шаг в сторону Кино и Гермеса. Он засунул руки в карманы и пошаркал носком ботинка по дорожке. Он глубоко вздохнул.

— Если бы... то есть... если вы не против... вы могли бы пожить здесь некоторое время. Здесь очень спокойно, и если вы не против ни с кем не встречаться, то это очень хорошее место для жизни. Конечно, вы можете познакомиться с другими людьми, если захотите. Вы можете делать все, что захотите, правда. Ты тоже, Гермес. Вы можете продолжать путешествовать, но время от времени возвращаться сюда. Кино, если хотите, в моем доме найдется место.

Он напомнил Кино сдувшийся воздушный шар. На мгновение она просто уставилась на него, а потом сказала с облегчением:

— Прости, Киёси, но я... Я почти не знаю тебя. И я очень хочу продолжить путешествие.

Киёси уставился на нее с самым необычным выражением лица.

— Ты меня почти не знаешь, — пробормотал он. — Как необычно. Но если бы ты осталась...

— Я действительно не могу. Мы совсем не знаем друг друга.

Глаза Киёси расширились от внезапного понимания, а лицо стало свекольно-красным.

— О! Я не хотел... Я не хотел, чтобы ты жила со мной как моя... э-э... ну, я не это имел в виду. Я вас почти не знаю.

Он рассмеялся и протянул руку.

— Приятно познакомиться, Кино.

Кино ухмыльнулась и пожал ему руку.

— Приятно познакомиться, Киёси. И удачи тебе.

Она завела двигатель Гермеса, затем повернулась лицом вперед и привела мотоцикл в движение.

Когда они отъезжали, она оглянулась. Киёси все еще был там, наблюдая, как они уменьшаются в размерах. Они в унисон помахали друг другу, затем она повернулась лицом к западу и прибавила скорость.

Оставив позади Киёси и его одинокий город, Кино и Гермес в молчании ехали дальше по травянистым полям. Солнце уже опустилось на край неба. Скоро оно должно было попасть в глаза Кино.

— Кино, а что это ты с Киёси так уставилась и заикалась в конце? — спросил вдруг Гермес.

— Что?

— Это была любовь?

— Что? Почему ты так думаешь?

— Я подумал, не собираешься ли ты выйти за него замуж. Я имею в виду, я подумал, что, возможно, именно это он и предлагал. Говорю тебе, я была на грани.

Кино рассмеялась.

— Ничего подобного.

— Ладно, тогда, — сказал Гермес и на некоторое время замолчал.

Потом он пробормотал:

— Все-таки я думаю, что он мог немного влюбиться в тебя.

— Может и так, — сказала ему Кино. После долгого молчания она продолжила:

— Думаю, последнее, что он мне сказал, было "Не умирай".

— Я не слышала, как он это сказал.

— Не вслух.